

Русские студенты в Германии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р89

Р89 Русские студенты в Германии / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 56 с.

ISBN 978-5-458-11199-7

Очерки жизни русских студентов в Германии. Елисаветград : тип. Гольденберга, 1894.

ISBN 978-5-458-11199-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОЧЕРКИ

жизни русскихъ студентовъ въ Германіи.

I.

—Прошу васъ, Густа, сдѣлайте мнѣ платье какъ можно лучше, говорила, улыбаясь, молодая невѣста, стоя передъ зеркаломъ и шелестя своимъ роскошнымъ шелковымъ платьемъ.

—Ужъ будьте покойны, Fräulein Надежда! Я приложу всѣ свои усилія, чтобы ваше вѣнчальное платье вышло какъ можно изящнѣе. Скажите, пожалуйста, сдѣлать ли талію немного тѣснѣе, или же оставить такъ, какъ она теперь?

—Нѣтъ, нѣтъ! Оставьте такъ! Ахъ, какъ хорошо спадаетъ шлейфъ! продолжала она, все еще оглядывая свою прелестную фигуру въ зеркалѣ. Но тутъ же она увидѣла стоявшую передъ ней на колѣняхъ маленькую, бѣдную модистку, поправлявшую ей платье. Какая громадная разница между ними! Съ одной стороны — богатство, роскошь, довольство, съ другой — нищета, вѣчная забота о насущномъ кускѣ хлѣба.

Надежда обладала очень добрымъ сердцемъ. Она взяла маленькую ручку модистки въ свои руки и съ участіемъ спросила ее:

—Неужели вы никогда не были такъ счастливы, какъ я теперь? Неужели вы никогда не переживали такихъ пріятныхъ минутъ, какія я теперь переживаю?.

Вопросъ этотъ, видимо, смутилъ дѣвушку и она нагнулась, чтобы скрыть свое смущеніе. Когда она снова подняла голову, щеки и глаза ея горѣли и дрожащимъ отъ волненія голосомъ она проговорила:

— Да! Но это было уже такъ давно! Тогда я чувствовала и переживала то, что вы теперь. Но, знаете, мнѣ такъ больно вспомнить объ этомъ!...

— Что же случилось, добрая Густа? съ участіемъ въ голосъ спросила Надежда.

Маленькая модистка тяжело вздохнула.

— Онъ, казалось, былъ очень славный молодой человекъ и я страстно его любила. Но въ послѣдствіи я убѣдилась, что онъ только игралъ мною. Я была глупая и наивная дѣвушка и замѣтила это тогда, когда уже было поздно. Я была на должности въ одномъ магазинѣ. Онъ былъ изъ Россіи, также какъ и вы, и учился въ университетѣ въ Лейпцигѣ. Однажды онъ пришелъ въ магазинъ съ своею матерью. Долго, долго онъ смотрѣлъ на меня. Потомъ, каждый вечеръ являлся къ дверямъ магазина и провожалъ меня домой. Въ то время я была круглой сиротой, а онъ былъ такъ добръ... я повѣрила и полюбила, сильно полюбила его...

— Густа, но вѣдь вы же знали, что онъ не женится на васъ?

По лбу Густы пробѣжало темное облако.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжала она. Еслибъ я это знала, то прервала бы наше знакомство въ самомъ началѣ!

Щеки ея горѣли. Губы судорожно сжимались.

— Онъ бросилъ меня, какъ обыкновенно дѣлаютъ эти

„славные молодые люди“ съ подобными мнѣ бѣдными дѣвushками.

—Ахъ, Густа! Это ужасно! Какъ люди могутъ такъ низко поступать?!

—Развѣ можно ожидать отъ этихъ господъ чего нибудь другаго? Онъ былъ наслѣдникомъ очень богатаго родственника. Ему неприлично было имѣть сношенія съ какой нибудь модисткой... и онъ бросилъ меня. Первое время я была словно сумашедшая. Много, много разъ я готова была покончить съ собою. Но разсудокъ все таки взялъ верхъ и не допустилъ меня до самоубійства ради такого низкаго человѣка. Въ Лейпцигѣ я уже не могла и не хотѣла оставаться. Я уѣхала въ Берлинъ. Съ тѣхъ поръ прошло три года.

—Бѣдная, бѣдная Густа! Но вѣдь вы еще молоды. Вы еще можете быть счастливы!

—Нѣтъ! съ горечью проговорила модистка. Я дала клятву не вѣрить болѣе никому. Всѣ мущины обманываютъ.

Надежда положила свои красивыя, бѣлыя руки на голову модистки и сказала:

—Все таки не всѣ. Вотъ хоть бы мой женихъ! Онъ меня, навѣрное, не обманываетъ, онъ такой славный! Вы видѣли его портретъ?

— Нѣтъ!

Надежда мигомъ бросилась въ сосѣднюю комнату и съ радостнымъ выраженіемъ на лицѣ принесла портретъ своего жениха.

—Ну, скажите, развѣ можетъ человѣкъ съ такими чудными глазами обманывать?

Это былъ, дѣйствительно, въ высшей степени, красивый молодой человѣкъ съ выразительнымъ лицомъ и умными глазами.

Густа, взглянувъ на портретъ, поблѣднѣла, задрожала всѣмъ тѣломъ и портретъ выпалъ у нея изъ рукъ.

— Вамъ дурно, Густа! вскричала Надежда. Я сію минуту принесу стаканъ воды.

— Нѣтъ, не надо! Благодарю васъ. Мнѣ легче... Потомъ, задыхаясь отъ волненія, она сказала:

— Такъ это вашъ...

— Да, да, это мой женихъ, Николай Новиковъ. Ну, скажите, онъ вамъ нравится? Неправда-ли, онъ красавецъ?

Густа опустила глаза на полъ и устремила взоры на лежавшій тамъ портретъ. Надежда подняла его и отнесла въ свою комнату.

Маленькая модистка все больше и больше мѣнялась въ лицѣ.

— Нѣтъ, этотъ не обманываетъ, проговорила она и слезы ручьемъ потекли изъ ея глазъ.

Невѣста больше не показывалась. Густа слышала, какъ въ сосѣдней комнатѣ она смѣялась вмѣстѣ съ пришедшей къ ней подружкой. Скоро наступила тишина. Обѣ подружки, вѣроятно, ушли.

Густа все еще всхлипывала. Одна слеза скатилась на платье, которое она шила.

— Ахъ, какъ не хорошо! Слеза на вѣнчальномъ платьи! подумала она.

Она вытерла глаза и перестала плакать.

— Теперь я могла бы разрушить его счастье, какъ онъ нѣкогда разрушилъ мое... Я могла бы отомстить ему...

Изъ ея груди вырвался глубокий вздохъ. Она взглянула въ окно. Погода стояла пасмурная. Пасмурно было и на душѣ маленькой модистки.

* *
*

Черезъ двѣ недѣли состоялась свадьба.

На скамьѣ, въ самомъ темномъ уголкѣ церкви сидѣла дѣвушка маленькаго роста и слабаго тѣлосложенія. Своими блестящими, какъ сталь, глазами, она, какъ-бы, пожирала новобрачныхъ. Новобрачные помѣнялись кольцами. Счастливо и нѣжно смотрѣли они другъ на друга и съ умиленіемъ выслушивали добрыя пожеланія знакомыхъ, заглушавшихъ своими голосами тихія рыданія бѣдной дѣвушки. Только вблизи стоявшіе слышали этотъ плачь и сердито глядѣли на бѣдную модистку, которая въ глубинѣ своего горя не замѣчала ничего. Черезъ минуту она вышла изъ церкви. На улицѣ она вытерла глаза, никому не желая показать, что она плакала. Впрочемъ, какое кому было дѣло до этой несчастной, бѣдной модистки!

II.

III. былъ однимъ изъ самыхъ прилежныхъ и трудолюбивыхъ студентовъ, изучавшій свою специальность съ любовью и усердіемъ. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ кончалъ свою работу въ лабораторіи по неорганической химіи. Этотъ человѣкъ, казалось, былъ полонъ энергіи и прилежанія. Ему едва-ли было двадцать два года. Познакомился я съ нимъ въ Дрезденѣ. Съ перваго же момента нашего знакомства, я почувствовалъ къ нему сильную симпатію и между нами завязались дружескія отношенія. Я жилъ тогда въ одномъ англійскомъ пансіонѣ и такъ какъ мы очень скоро сошлись другъ съ другомъ, то я предложилъ ему обѣдать въ томъ же пансіонѣ. III. съ удовольствіемъ согласился на это, тѣмъ болѣе, что въ средствахъ онъ не нуждался и ему самому было пріятнѣе обѣдать въ англійскомъ обществѣ, чѣмъ въ нѣмецкомъ ресторанѣ.

Въ нашемъ пансіонѣ жила одна молодая англичанка съ матерью. Отца у нея не было. Онѣ были когда-то очень богаты, но отецъ промоталъ все свое состояніе и кончилъ тѣмъ, что пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Маленькое наслѣдство все таки осталось и доходы съ него мать съ дочерью проживали въ Дрезденѣ, гдѣ жизнь, во всякомъ случаѣ, дешевле обходится, чѣмъ въ Лондонѣ. Дѣвушка эта, Мери, была въ высшей степени симпатичное существо. Ей было лѣтъ двадцать. Она была высокаго

роста, блондинка, съ голубыми глазами. Я къ ней очень привязался. Не скажу, чтобы я питалъ къ ней особенное чувство. Нѣтъ, я не любилъ ее, но она привлекала меня, какъ привлекаетъ всякое красивое, художественное произведеніе. Одно время я ходилъ ежедневно въ галерею и любовался головкой гетевской Миньоны, работы дрезденскаго художника Кисслинга. Это такъ вошло у меня въ привычку, что если я, по какой либо причинѣ не бывалъ въ галлерей, то весь день у меня былъ отравленъ. Такого же рода чувство возбуждала во мнѣ англичанка.

Желая хоть сколько нибудь помочь этой дѣвушкѣ, такъ какъ доходы ея были не очень-то велики, я предложилъ ей давать мнѣ уроки англійскаго языка; быть можетъ къ этому присоединилось желаніе видѣть ее почаще.

Когда Ш. пришелъ первый разъ въ пансіонъ, его помѣстили *vis-à-vis* моей хорошенькой учительницы. Я замѣтилъ, что она произвела на него какое то удручающее впечатлѣніе. Онъ все время былъ разсѣянъ, молчалъ и еле дотрагивался до кушанья. Такимъ я его еще никогда не видалъ.

Послѣ обѣда я пошелъ въ лабораторію и, къ крайнему удивленію, не засталъ тамъ Ш. Профессоръ, который былъ убѣжденъ, что никакая земная сила не въ состояніи удержать Ш. отъ посѣщенія лабораторіи, выразилъ мнѣ свое недоумѣніе по этому поводу.

По окончаніи работы, я пошелъ къ Ш. Онъ лежалъ на кровати. Я пробовалъ было говорить съ нимъ, но онъ отвѣчалъ какъ-то нехотя, и, по всему видно было, что

мое присутствіе его тяготить. Вернувшись поздно вечеромъ домой, я долго лежалъ въ постели, размышляя объ этомъ странномъ явленіи, пока не заснулъ. Скоро разбудилъ меня стукъ въ окно. Я всталъ съ кровати, поднялъ стору и увидѣлъ Ш., стоявшаго на улицѣ.

—Пойдемъ со мной въ Большой Садъ. Я долженъ тебѣ кое-что рассказать.

По лицу Ш. и по дрожащему голосу, которымъ онъ мнѣ это сказалъ, я замѣтилъ, что онъ очень взволнованъ. Черезъ нѣсколько минутъ я вышелъ. Мы направились по *Bürgerwiege* въ Большой Садъ. Тайнственный волшебный свѣтъ луны освѣщалъ роскошный дрезденскій садъ. Мы ушли недалеко отъ бывшаго лѣтняго театра и Ш. началъ:

—Я до сихъ поръ не рассказывалъ тебѣ, что передъ тѣмъ, какъ я пріѣхалъ сюда, я провелъ одинъ семестеръ въ Гейдельбергѣ. Не говорилъ я этого потому, что это время связано для меня съ самыми тяжелыми, мрачными воспоминаніями. По окончаніи гимназіи въ моемъ родномъ городѣ, я отправился въ Гейдельбергъ и поступилъ на философскій факультетъ тамошняго университета. Жилъ я тогда въ англійскомъ пансіонѣ. Первый мѣсяцъ моего пребыванія въ Германіи прошелъ очень спокойно; все время почти было поглощено занятіями, а въ свободные отъ работы часы я изучалъ нѣмецкую литературу, сильно интересовавшую меня тогда. Однажды, за обѣдомъ, хозяйка объявила намъ, что съ завтрашняго дня съ нами будутъ обѣдать двѣ вновь пріѣзжія англичанки.

Дѣйствительно, когда я на слѣдующій день пришелъ къ обѣду—за столомъ сидѣли двѣ незнакомыя мнѣ дамы.

Это были—твоя учительница и ея мать. Признаться, на меня, двадцатилѣтняго юношу, Мери, своей миленькой головкой, роскошно развитой фігурой, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Никогда еще не видалъ я такой красоты. Я не буду тебѣ долго рассказывать исторію развитія моей любви къ ней. Скажу коротко: я полюбилъ ее всей своей юношеской страстью, на которую способенъ только двадцатилѣтній юноша.

Ревность—родная сестра любви. Въ томъ же пансіонѣ обѣдалъ одинъ нѣмецкій студентъ. Навела ли меня ревность на ту мысль, или же я что нибудь замѣтилъ,—мнѣ казалось, что Мери равнодушна къ нему. Мери, во всякомъ случаѣ, относилась къ нему не такъ холодно, какъ ко мнѣ. Онъ былъ корпорантомъ и между нами ненависть разгоралась все больше и больше. За обѣдомъ я то и дѣлалъ, что нападалъ на него и говорилъ ему колкости. Нѣмецъ не умѣлъ отражать мои колкости, но думалъ, что удары саблей онъ стумѣеть лучше отражать. Въ концѣ-концовъ онъ не вытерпѣлъ и послалъ мнѣ секунданта. Но такъ какъ я не умѣлъ драться на сабляхъ, а корпорантъ не желалъ драться на пистолетахъ, то дѣло дошло до студенческаго суда чести. Мнѣ дали два мѣсяца сроку, чтобы я могъ научиться фехтовать. Съ этого момента я отложилъ всѣ свои занятія въ сторону и принялся за фехтованіе. Мускулы у меня были желѣзные, я фехтовалъ съ какимъ то остервенѣніемъ и въ короткое время сдѣлалъ блестящіе успѣхи. Нѣмецъ, послѣ сдѣланнаго мнѣ вызова, пересталъ обѣдать въ пансіонѣ. Мои страданія нѣсколько уменьшились. Въ его отсутствіи, Мери, казалось забыла объ

его существованіи. Я старался сблизиться съ ней, но это мнѣ не удавалось: она была ко мнѣ также равнодушна, какъ и раньше. Это равнодушіе терзало меня еще болѣе, чѣмъ ревность.

Однажды,—это было послѣ Рождества,—по предложенію хозяйки, всѣ, живущіе въ пансіонѣ, рѣшили устроить костюмированный вечеръ. Такъ какъ въ пансіонѣ я былъ единственнымъ кавалеромъ, то меня просили пригласить еще нѣсколько русскихъ студентовъ. Я возлагалъ на этотъ вечеръ большія надежды и рѣшилъ воспользоваться имъ, чтобы сдѣлать признаніе Мери. За цѣлую недѣлю до вечера мы стали готовиться, шить костюмы и т. п. Я отыскалъ нѣсколько русскихъ студентовъ, которымъ пріятно было имѣть случай потанцевать. Никто изъ насъ не говорилъ, въ какомъ костюмѣ онъ явится, желая, такимъ образомъ, сдѣлать другъ другу сюрпризъ. Наконецъ, насталъ давно желанный вечеръ и въ восемь часовъ мы были уже всѣ въ пансіонѣ. Костюмы были, въ самомъ дѣлѣ, роскошные и со вкусомъ подобраны. Изъ приглашенныхъ мною русскихъ — одинъ былъ въ бедуинскомъ костюмѣ, другой въ національномъ греческомъ, третій въ испанскомъ, четвертый въ англійскомъ. На мнѣ былъ костюмъ Ромео и, по какой то странной случайности, Мери была одѣта Джульеттой. Это обстоятельство придавало мнѣ очень много храбрости. Вечеръ начался весело и я почти все время танцевалъ съ Мери. Она тогда относилась ко мнѣ лучше, чѣмъ когда либо. Послѣ одного вальса я, въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ, признался Мери въ любви. Она отвѣчала мнѣ съ участіемъ, что очень жалѣетъ, что ей горько до-